

РАСПРОСТРАНЁННОСТЬ ДЕФИЦИТА ВИТАМИНА D У ЛИЦ СТАРШЕ 50 ЛЕТ, ПОСТОЯННО ПРОЖИВАЮЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН, В ПЕРИОД МИНИМАЛЬНОЙ ИНСОЛЯЦИИ

Р.З. НУРЛЫГАЙНОВ*, Э.Р. СЫРТЛАНОВА²

¹ кандидат медицинских наук, врач травматолог-ортопед ГКБ № 21 г. Уфы, член РАПО;

² доктор медицинских наук, главный врач поликлиники № 33 г. Уфы

Цель. Изучить уровень витамина D в период минимальной инсоляции у лиц старше 50 лет, постоянно проживающих в Республике Башкортостан.

Материалы и методы. В период низкой инсоляции (март) у 188 человек (68 мужчин и 120 женщин) старше 50 лет (средний возраст $66,1 \pm 0,75$ года), постоянно проживающих в городе (Уфа) и сельской местности (Аскинский, Бурзянский, Илишевский, Кугарчинский районы) Республики Башкортостан, проведены исследования уровней 25(OH)D и паратиреоидного гормона (ПТГ) методом непрямого твердофазного иммуноферментного анализа. Уровень 25(OH)D 25-50 нмоль/л расценивался как лёгкий дефицит витамина D; 12,5-25 нмоль/л – умеренный дефицит, ниже 12,5 нмоль/л – как тяжёлый дефицит витамина D.

Результаты. Средний уровень 25 (OH)D составил $33,55 \pm 1,28$ нмоль/л, в городе – $43,48 \pm 1,59$ нмоль/л, в сельской местности – $21,25 \pm 1,06$ нмоль/л, у мужчин – $36,29 \pm 2,43$ нмоль/л, у женщин – $32,28 \pm 1,47$ нмоль/л. При этом уровень витамина D у городских жителей оказался в два раза выше, чем у сельских. Статистически значимых различий по полу в показателях уровня витамина D не установлено. Выявлено нормальное содержание витамина D лишь у 18% исследуемых (в городе – 30%, в селе – 2%), у 43% лиц был лёгкий дефицит витамина D (в городе – 59%, на селе – 24%), у 33% – умеренный дефицит витамина D (в городе – 11%, в селе – 60%), а у 6% обследованных – тяжёлый дефицит витамина D (в городе – 0, в селе – 14%). Умеренный и тяжёлый дефицит витамина D в сельской местности встречался достоверно чаще (74%), чем в городе (11%). Половая принадлежность не является фактором риска для развития дефицита витамина D для лиц старше 50 лет. Установлена средняя отрицательная корреляционная зависимость между уровнем витамина D и возрастом пациентов ($r = -0,356$, $p < 0,001$) и между уровнями витамина D и ПТГ ($r = -0,313$, $p < 0,001$).

Ключевые слова: дефицит витамина D, паратиреоидный гормон.

В последние годы во всём мире неуклонно повышается интерес к витамину D в связи с многогранностью его действия. «Классической» функцией витамина D как прогормона является активация абсорбции кальция в кишечнике, участие в регуляции кальций-фосфорного обмена в организме человека, тем самым профилактика рахита у детей, остеомалиции

и остеопороза у взрослых. Дефицит витамина D расценивается как фактор риска переломов, особенно шейки бедра [1, 2, 3, 4]. К тому же в последние годы доказана способность витамина D подавлять патологическую гиперпролиферацию и митотическую активность клеток, что позволяет судить о его антиканцерогенном и иммуномодулирующем эффекте [4, 5, 6, 7, 8]. Недавние исследования в США показали, что распространённость дефицита витамина D среди ВИЧ-инфицированных больных достигает 70% [9]. Авторы полагают, что необходимы исследования, которые определили бы влияние рутинного приёма витамина D на здоровье ВИЧ-инфицированных больных. Имеются данные об успешном комплексном лечении псориаза витамином D, остеоартроза и многих других заболеваний и состояний [4, 10]. В течение последних десятков лет во многих зарубежных странах проведены многочисленные групповые и популяционные исследования D – витаминного статуса человека [11, 12]. В России исследования начаты сравнительно недавно, однако они уже показали повсеместный дефицит витамина D как у детей, так и пожилых [13, 14, 15, 16, 17]. Около 85% витамина D образуется в организме под влиянием ультрафиолетового облучения (УФО), и только 15% поступает с пищевыми продуктами [4, 18]. Недостаток витамина D нарастает от экватора к полюсам Земли и принимает массовый характер при проживании в условиях наиболее удалённых географических широт (особенно севернее 35°) [19]. Территория Башкирии располагается между 51° 31' и 56° 25' северной широты, и её население получает низкий уровень УФО.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение уровня витамина D в период низкой инсоляции у лиц старше 50 лет, постоянно проживающих в Республике Башкортостан.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В период с 15 по 31 марта 2011 г. у 188 человек (68 мужчин и 120 женщин) старше 50 лет (средний возраст $66,1 \pm 0,75$

года), постоянно проживающих в городской и сельской местности Республики Башкортостан, был проведён забор крови для исследования уровней 25(OH)D. Кроме того, у каждого одновременно исследовался уровень паратиреоидного гормона (ПТГ). Лабораторные исследования были выполнены в диагностической лаборатории клиники Башкирского государственного медицинского университета (Уфа) методом непрямого твердофазного иммуноферментного анализа с использованием наборов: 25 – Hydroxy Vitamin D EIA производства immunodiagnosics systems (США) и PTH ELICA DRG instruments GmbH (Германия). Диагностические критерии дефицита витамина D были определены согласно наблюдениям, изложенным в литературе [3, 4, 18, 20, 21, 22]. Уровень 25(OH)D 25-50 нмоль/л расценивался как лёгкий дефицит витамина D; 12,5-25 нмоль/л – умеренный дефицит, ниже 12,5 нмоль/л – как тяжёлый дефицит витамина D. За референсные значения по рекомендации производителя реактивов для ПТГ был принят интервал от 11,0 до 72 пг/мл.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Данные, полученные нами, впервые демонстрируют распространённость дефицита витамина D в Республике Башкортостан. Средний уровень 25(OH)D у жителей республики составил $33,55 \pm 1,28$ нмоль/л (у мужчин – $36,29 \pm 2,43$ нмоль/л, женщин – $32,28 \pm 1,47$ нмоль/л). Среди городского населения – $43,48 \pm 1,59$ нмоль/л (у мужчин $46,63 \pm 3,27$, женщин – $41,81 \pm 1,70$), что соответствовало легкой степени дефицита витамина D. Однако в сельской местности среднее содержание витамина D составило $21,25 \pm 1,06$ нмоль/л (у мужчин $23,04 \pm 1,83$, женщин – $20,27 \pm 1,31$), что расценено как средняя тяжесть дефицита (табл. 1). Пограничные уровни составили 3,6-100,8 нмоль/л. Различия уровня витамина D между группами обследованных, проживающих в городе и сельской местности, согласно результатам двухвыборочного t-теста, статистически значимы и существенны с уровнем надёжности $\alpha = 0,05$. При этом уровень витамина D у городских жителей оказался в два раза выше, чем у сельских (рис. 1). Статистически значимых различий по полу в показателях уровня витамина D не установлено. В нашем исследовании женский пол не являлся фактором риска для развития дефицита витамина D, что согласуется данными исследования, проведенного в г. Екатеринбурге [13].

* e-mail: radiknur@list.ru

Нормальные значения 25(OH)D были выявлены лишь у 18% исследуемых (в городе – 30%, в сельской местности – 2%). У 43% лиц был отмечен лёгкий дефицит витамина D (в городе – 59%, в селе – 24%), у 33% – умеренный дефицит витамина D (в городе – 11%, в селе – 60%), а у 6% обследованных – тяжёлый дефицит витамина D (в городе – 0, в селе – 14%) (табл. 2). В целом частота умеренного и тяжёлого дефицита в сельской местности оказалась значительно выше (74%), чем в городе (11%). Полученные нами результаты, свидетельствующие о более низких уровнях витамина D у жителей сельской местности по сравнению с городскими, требуют дальнейших исследований. По данным Lips P. и соавт., риск развития дефицита витамина D выше в городах, чем в деревнях [3]. По половой принадлежности дефицит

витамина D наблюдался у 84% обследованных женщин (74% у городских и 98 у сельских жителей) и у 79% мужчин (64% у городских и 97% у сельских жителей).

Проведённый анализ зависимости уровня 25(OH)D от возраста обследованных показал наличие значимых различий между возрастными группами старше 60 лет (табл. 3). Была установлена отрицательная корреляционная зависимость между уровнем витамина D и возрастом пациентов ($r=-0,356$, $p<0,001$) (рис. 2).

Средний уровень ПТГ составил $57,13\pm 2,32$ пг/мл (в городе – $61,63\pm 3,32$ пг/мл селе – $51,55\pm 3,08$ пг/мл) и находился в пределах нормальных значений. При этом различия уровня ПТГ городских и сельских жителей по результатам двухвыборочного Т-теста были статистически значимы. В возрастной категории 80 лет и старше отмечалось повышение среднего уровня ПТГ до 76,1 пг/мл. Известно, что дефицит конечного метаболита витамина D – 1,25(OH)2D приводит к повышению ПТГ по принципу обратной связи [4, 13, 23].

В данном исследовании была обнаружена отрицательная корреляционная связь между уровнями витамина D и ПТГ ($r=-0,313$, $p<0,001$) (рис. 3).

Обобщая полученные результаты, можно сделать следующие выводы:

1. В Республике Башкортостан, расположенной в географически неблагоприятных (из-за низкой инсоляции) условиях северной широты, в старших возрастных группах широко распространены случаи гиповитаминоза D.

2. Дефицит витамина D более распространён в сельской местности (98%), чем в городе (70%). В городской популяции преобладал лёгкий дефицит (59%), в сельской местности – умеренный дефицит витамина D (60%). Более низкие показатели витамина D в сельской местности, чем в городе, требуют дальнейших исследований для объяснения полученных результатов.

3. Развитие дефицита витамина D у лиц старше 50 лет не зависит от пола.

4. Установлена отрицательная корреляционная зависимость между уровнем витамина D и возрастом пациентов ($r=-0,356$, $p<0,001$) и между уровнями витамина D и ПТГ ($r=-0,313$, $p<0,001$).

Учитывая, что витамин D рассматривается как фактор риска многих заболеваний, высокая частота и выраженность дефицита витамина D у жителей Республики Башкортостан обосновывают необходимость его повсеместного исследования для планирования профилактических и лечебных мероприятий и широкого назначения витамина D в старших возрастных группах.

SUMMARY

Objectives. To study the vitamin D levels in the period of minimal sun exposure in individuals older than 50 years residing in the Republic of Bashkortostan.

Materials and methods. In the period of low insolation (March) in 188 people (68 men and 120 women) aged over 50 years (mean age $66,1\pm 0,75$ years) residing in the city (Ufa) and rural areas of the Republic of Bashkortostan we investigated the levels of 25 (OH) D and parathyroid hormone (PTH) by the indirect ELISA. Level of 25 (OH) D 25–50 nmol/l were considered as mild vitamin D deficiency; 12,5–25 nmol/l – as mod-

Таблица 1.
Демографическая характеристика концентраций витамина D и паратиреоидного гормона у обследованных городского и сельского населения Республики Башкортостан

	Городское население			Сельское население			Всего (город+село) N=188
	Муж. N=36	Жен. N=68	Всего N=104	Муж. N=32	Жен. N=52	Всего N=84	
Возраст, лет, среднее	63,92 ±1,62	67,10 ±1,24	66,00 ±0,99	67,14 ±2,05	65,83 ±1,4	66,23 ±1,14	66,10 ±0,75
25(OH)D, нмоль/л, среднее	46,63 ±3,27	41,81 ±1,70	43,48 ±1,59	23,04 ±1,83	20,27 ±1,31	21,25 ±1,06	33,55 ±1,28
ПТГ, пг/мл	59,14 ±6,00	62,95 ±3,99	61,63 ±3,32	53,10 ±6,21	51,12 ±3,47	51,55 ±3,08	57,13 ±2,32

Таблица 2.
Распределение различных стадий дефицита витамина D среди обследованного населения в зависимости от пола и места жительства

	Норма	Дефицит							
		Лёгкий		Умеренный		Тяжёлый			
		Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.		
Город N=104 (муж. – 36, жен. – 68)	13 (36%)	18 (26%)	19 (53%)	42 (62%)	4 (11%)	8 (12%)	0	0	
	31 (30%)		61 (59%)		12 (11%)		0		
					(12) 11%				
				73 (70%)					
Село N=84 (муж. – 30, жен. – 54)	Аскинский район (муж. – 7, жен. – 13)	0	1 (8%)	2 (29%)	3 (23%)	5 (71%)	7 (54%)	0	2 (15%)
		1 (5%)		5 (25%)		12 (60%)		2 (10%)	
Бурзянский район (муж. – 6, жен. – 14)	Илишевский район (муж. – 11, жен. – 13)	1 (17%)	0	0	3 (22%)	2 (33%)	9 (64%)	3 (50%)	2 (14%)
		1 (5%)		3 (15%)		11 (55%)		5 (25%)	
Кугарчинский район (муж. – 6, жен. – 14)	Всего	0	0	1 (9%)	1 (8%)	10 (91%)	8 (62%)	0	4 (30%)
		0		2 (8%)		18 (75%)		4 (17%)	
Всего (город+село) N=188 (муж. – 66, жен. – 122)		1 (3%)	1 (2%)	8 (27%)	12 (22%)	18 (60%)	32 (59%)	3 (10%)	9 (17%)
		2 (2%)		20 (24%)		50 (60%)		12 (14%)	
						62 (74%)			
				82 (98%)					
Всего (город+село) N=188 (муж. – 66, жен. – 122)		14 (21%)	19 (16%)	27 (41%)	54 (44%)	22 (33%)	40 (33%)	3 (5%)	9 (7%)
		33 (18%)		81 (43%)		62 (33%)		12 (6%)	
						74 (39%)			
				155 (82%)					

Таблица 3.
Показатели уровня витамина D и паратгормона в зависимости от возраста обследованных

Возраст	Количество обследованных	Возраст, лет	Уровень 25(OH) D (нмоль/л)	Уровень паратгормона (пг/мл)
50–59	61	54,3	36,2	45,3
60–69	47	64,4	38,3	54,8
70–79	56	73,1	32,4	63,8
80 и старше	24	83,2	20,1	76,1
В среднем	188	66,1	33,5	57,1

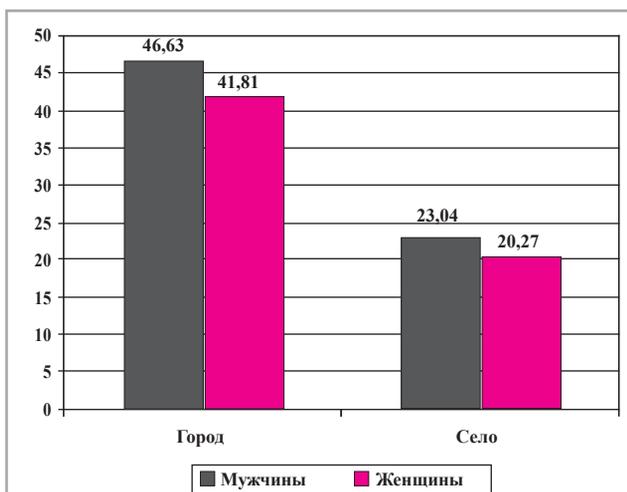

Рис. 1. Уровень витамина D в зависимости от пола и места жительства

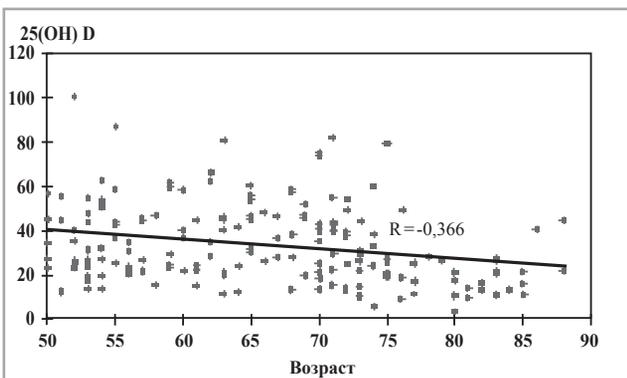

Рис. 2. Корреляция между 25(OH)D и возрастом

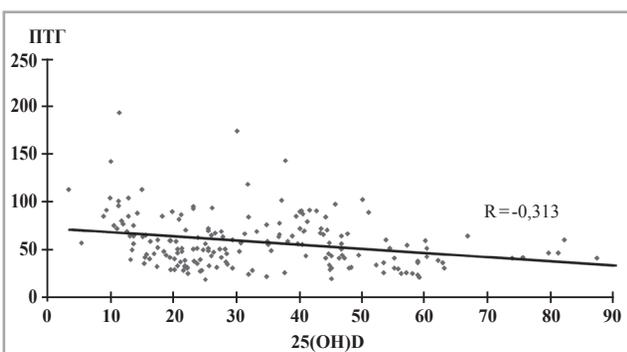

Рис. 3. Корреляция между уровнем 25 (OH)D и ПТГ

erate deficiency, and levels below 12.5 nmol/l – as a severe vitamin D deficiency.

Results. The average level of 25 (OH) D was $33,55 \pm 1,28$ nmol/l; in urban area $43,48 \pm 1,59$ nmol/l; in rural area $21,25 \pm 1,06$ nmol/l; $36,29 \pm 2,43$ nmol/l in men; $32,28 \pm 1,47$ nmol/l in women. The levels of vitamin D in the urban population were twice as high as in rural areas. A statistically significant difference by gender in terms of the levels of vitamin D was not found. We saw normal levels of vitamin D only in 18% of subjects (in the city – 30%, in the rural areas – 2%), 43% of people had a mild vitamin D deficiency (in the city – 59%, in rural areas – 24%), 33% – a moderate deficiency of vitamin D (in the city – 11%, in the rural areas – 60%), and 6% of the patients had a severe vitamin D deficiency (in the city – 0%, in rural areas – 14%). Moderate to severe vitamin D deficiency in rural areas was significantly more prevalent (74%) than in urban (11%). Gender was not found to be a risk factor for the development of vitamin D deficit in people over 50 years. There was a negative correlation between vitamin D levels and patient age ($r = -0,356$, $p < 0,001$) and between levels of vitamin D and PTH ($r = -0,313$, $p < 0,001$).

Keywords: vitamin D, parathyroid hormone.

ЛИТЕРАТУРА

- Meyer H.E., Henriksen C., Falch J.A., Pedersen J.L., Tverdal A. Risk factors for hip fracture in a high incidence area: a case-control study from Oslo, Norway // Osteoporos. Int. – 1995. – 5. – P. 239–246.
- Cummings S.R., Browner W.S., Bauer D., et al. Endogenous hormones and the risk of hip and vertebral fractures among older women. Study of Osteoporotic Fractures Research Group // N. Engl. J. Med. – 1998. – 339. – P. 733–738.
- Lips P. Vitamin D deficiency and osteoporosis: the role of vitamin D deficiency and treatment with vitamin D and analogues in the prevention of osteoporosis-related fractures // European J. of Clin. Investigation. – 1996. – 26. – P. 436–442.
- Lips P. Vitamin D deficiency and secondary hyperparathyroidism in the elderly: consequences for bone loss and fractures and therapeutic implications // Endocrine Reviews. – 2001. – 22(4). – P. 477–501.
- Масаси Кабаяси. Предотвращение возникновения карциномы толстого кишечника с помощью витамина D и кальция // Витамин-Витамин. – 1988. – Т. 62. – №9. – С. 533.
- Walters M.R. Newly identified actions of the vitamin D endocrine system // Endocr. Rev. – 1992. – 13. – P. 719–764.
- Zipitis C.S., Akobeng A.K. Vitamin D supplementation in early childhood and meta-analysis and risk of type I diabetes: a systematic review // Arch. Dis. Child. – 2008. – Vol. 93. – P. 512–517.
- Pearce S.H.S., Cheetham T.D. Diagnosis and management of vitamin D deficiency // Br. Med. J. – 2010. – Vol. 340. – P. 142–147.
- Christine N., Dao et al. Low Vitamin D among HIV-Infected Adults: Prevalence of and Risk Factors for Low Vitamin D Levels in a Cohort of HIV-Infected Adults and Comparison to Prevalence among Adults in the US General Population // Clin. Infect. Dis. – 2011. – 52(3). – P. 396–405.
- Holick M.F. Vitamin D and the skin: Photobiology, physiology and therapeutic efficacy // Bone Miner. Res. – 1990. – Vol 7. – Amsterdam: Elsevier – P. 313–366.
- Parfitt F.V., Gallagher J.C., Heaney R.P., et al. Vitamin D and bone health in the elderly // Am. J. Clin. Nutr. – 1982. – 36. – P. 1014–1031.
- McKenna M. Differences in vitamin D status between countries in young adults and elderly // Am. J. Med. – 1992. – 93. – P. 69–77.
- Бахтиярова С.А., Лесняк О.М. Дефицит витамина D среди пожилых людей // Общая врачебная практика. – 2004. – №1. – С. 26–32.
- Торопова Н.В. Эпидемиология, первичная профилактика и лечение постменопаузального остеопороза в условиях поликлиники: Дис. ... д-ра мед. наук. – Москва. – 2007. – 225 с.
- Витебская А.В., Смирнова Г.Е., Ильин А.В. Витамин D и показатели кальций-фосфорного обмена у детей, проживающих в средней полосе России, в период максимальной инсоляции // Остеопороз и остеопатии. – 2010. – №2. – С. 2–5.
- Каронова Т.Л., Мамина И.А., Коноплянникова Е.В., Ктышева Н.С., Галкина О.В., Буданова М.В., Гринева Е.Н. Уровень витамина D3 и паратиреоидного гормона у женщин пре- и перименопаузального возраста // Остеопороз и остеопатии. – 2010. – №1. – Тезисы IV Российского конгресса по остеопорозу. – Санкт-Петербург, 26–29 сентября 2010 г. – С. 36.
- Шилин Д.Е., Осипова Т.А., Костина Л.В., Адамьян Л.В. Дефицит витамина D в Москве – межсезонный фактор риска остеопороза и падений «без пола и возраста» // Остеопороз и остеопатии. – 2010. – №1. – Тезисы IV Российского конгресса по остеопорозу. – Санкт-Петербург, 26–29 сентября 2010 г. – С. 37.
- Pun K.K., Wong F.N.W., Wang C. et al. Vitamin D status among patients with fractured neck of femur in Hong Kong. // Bone. – 1990. – 11. – С. 365–368.
- Шилин Д.Е. Витамин-гормон D в клинике XXI века: плейотропные эффекты и лабораторная оценка (Лекция) // Клиническая лабораторная диагностика. – 2010. – № 12. – С. 1–8.
- Chapuy M.C., Arlot M.E., Duboeuf F. et al. Vitamin D3 and calcium to prevent hip fractures in the elderly women // J. N. Engl. Med. – 1992. – 327. – P. 1637–1642.
- Zhao X.H. Nutritional situation of Beijing residents // J. Trop. Med. Pub. Health. – 1992. – 23 (suppl. 3). – P. 65–68.
- Khaw K.T., Scragg R., Murphy S. Single-dose cholecalciferol suppresses the winter increase in parathyroid hormone concentrations in healthy older men and women: a randomized trial // Am. J. Clin. Nutr. – 1994. – 59. – P. 1040–1044.
- Janssen H.C., Samson M.M., Verhaar H.J. Vitamin D deficiency, muscle function, and falls in elderly people // Am. J. Clin. Nutr. – 2002. – Vol. 75. – 4. – P. 611–615.